

Вестник

АГУ

Том 4
Выпуск 3
2005

Серия: История, филология

Новосибирск

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Гуманитарный факультет

Белкин Н. Б.-Просперийон Униксийн Гэгээнээсээрийн	3
Черемисин Д. В., Астрагаша И. В., Ким-Коров С. А. Петроглифы Южного Китая	14
Бауажек С. И. Древние города Китая: новые открытия, новые вопросы	22
Хахюн А. Н. Иннокентий Немиров в Иерусалим и Неваде	32
(К истории Пекинской миссии)	
Даргинен В. Г. [ФА] Фородж-Иффи-Макиф-О-Джонсон	40
первый русский миссионер в Китае	
Фородж-Иффи-Макиф-О-Джонсон	42
Зилькова Т. Г. Стратаграфи	53
Азаренко Ю. А. Очерк истории южнокорейской литературы 1945 г.	64
Подчертана А. К. Вступление Китай в ВТО: новый этап в развитии	
национального законодательства	69
Лашинков Б. В. К вопросу о языке востоковедения	74
Серия	
ИСТОРИЯ, ФИЛОЛОГИЯ	
Том 4	
Выпуск 3	
Вестник НГУ	

Новосибирск 2005

Т. Г. Завьялова

СТРАТАГЕМЫ ВАН ЯНМИНА В МИНСКИХ «КНИГАХ МУДРОСТИ»

За последнее время в России число переводов памятников китайской военной стратагемики значительно увеличилось. К классическим переводам «Трактата о военном искусстве» Сунь-цзы и «Трактата о военном искусстве» У-цзы, сделанных Н. И. Конрадом [11], добавились переводы «Семи китайских классических военных трактатов» [18], произведений Чжугэ Ляна [5; 19], других китайских военных памятников [6]. Тем не менее российскому читателю из всего многообразия китайской стратагемики, посвященной стратагемам, доступны только сочинения школы «цзунхэнцыу» — трактат «Гуйгу-цзы» [2], а также наиболее широко известные «Тридцать шесть стратагем»¹.

Стратагематика в Китае имеет длительную историю развития. Уже в исторических хрониках доциньского периода, таких как «Го юй» и «Цзо-чжуань», умение составлять планы относится к одной из шести добродетелей, которыми должен обладать человек². Необходимо отметить, что только одна из них (способность сохранять преданность) затрагивает собственно моральные качества человека, все остальные относятся либо к мыслительным способностям, либо к их проявлению в социальной сфере. Конфуций считал, что умение составлять стратагемы — это один из необходимых признаков благородного мужа: если ему доверят командование армией, он возьмет с собой того, кто «не только любит продумывать планы (好謀), но также умеет заниматься успехом» [13. С. 348; 24. С. 68].

Конфуцианцы периода правления династии Хань также достаточно внимания уделяли мыслительным способностям человека. Известный ученый того времени Сюй Бань, комментируя взгляды Конфуция и Мэн-цзы, в «Рассуждении о середине» отмечает, что «Чжунни и Мэнкэ достигали реального с помощью искусственных планов (權謀)». Первым, кто выделил стратагемы как самостоятельное явление социальной жизни, был известный ученый, текстолог и писатель Лю Сян. Глава «Хитрые планы» (權謀) в «Источнике учений» (說苑) начинается со следующего комментария: «Замыслы имеют предела: высшие состоят в знании судьбы, низшие — в знании дел. Знающий предвидит источники существования и гибели, счастья и беды, заранее знает о падении и возвышении, процветания и упадка, предотвращает событие до его ростков, устраниет трудности бесформенным. Если такой человек живет во времена смуты, он сможет сохранить себя, во времена мира — обязательно будет властью над Поднебесной. Знающий дела, наоборот, всего лишь наблюдает, наблюдая события, узнает различие между прибылью и убытком, победой и поражением... Он не потерпит краха в своем занятии, не упустит своих заслуг» [28. С. 162].

После Лю Сяна Гу даст развернутое определение стратагемы: «Использую искусственные планы с помощью истины-справедливости сохраняет государство, с помощью необычного-изумляющего использует войска, сначала рассчитывает, потом

¹ На данный момент существует четыре варианта перевода трактата на русский язык, многократно издавался перевод В. В. Малявина [4; 9; 12; 15; 16; 17].

² «Способность советоваться, строить планы, взвешивать, расспрашивать, сохранять преданность и доверие» [1. С. 351]. В «Цзо чжуани» перечислены только пять: способность советоваться, взвешивать, соразмерять свои поступки, обсуждать дела и строить планы [20. С. 210].

воюет, использует форму и обстановку, объемля инь и ян, применяет искусство мастерство» [21. Т. 1. С. 778].

При династии Суй в произведениях Ван Туна был сформулирован тезис о противоречии между человеколюбием (仁) и мудростью (智) непосредственно в рамках конфуцианского учения. В «Вэнъчжун-цзы» (гл. «Небо и Земля») говорится: «Если мелкий человек использует мудрость и отрицает человеколюбие, [он становится] преступником. Если благородный муж использует мудрость и отрицаet человеколюбие – возникает смута». Однако взгляды Ван Туна на соотношение жэнь (仁) и чжи (智) мало повлияли на общую интеллектуальную атмосферу его времени. Только в учении братьев Чэн и Чжу Си этот тезис получил полное оформление. Взгляды братьев Чэн отличала жесткая субординация добродетелей конфуцианского списка. Чэн Хао утверждал, что «человеколюбие может дополняться знаниями, но знания не дополняются человеколюбием»³. По мнению Чжу Си, «мудрость – только в различии человеколюбия»⁴. Как отмечают китайские исследователи, «если в учении Конфуция и Мэн-цзы мудрость соединялась с человеколюбием, то братья Чэн и Чжу Си считали, что мудрость (хитроумие) абсолютно несовместимы с небесными принципами (天理)» [32. С. 20].

При правлении династии Мин конфуцианство пережило еще одну радикальную реформу. Этот период отличался резким поворотом от разработки онтологической проблематики к гносеологическим вопросам [10. С. 382], которые с необходимостью повлекли за собой проблемы праксеологические. «Интерпретация мышления как деятельности, практифицировав интеллект, интеллектуализировала практику. Синтез знания, оценки, волевого импульса и поступка, обрачивающийся гносеологической равносильностью индуидуально-субъективной и социально-объективной активности, своим прототипом, повторяя, имел акт морального сознания-поведения (сознательного поведения или поведенческого сознания), естественным образом сочетающий в себе все названные моменты» [Там же. С. 381].

Период правления династии Мин характеризуется также формированием людей нового типа. Они не только обладали высокой образованностью, создавали философские и литературные произведения, но и были удачными полководцами, советниками и администраторами (Лю Цзи, Ван Янмин). В некоторых аспектах приход к власти Чжу Юаньчжана напоминал действия первого императора династии Хань Лю Бана. В «Исторических записках» есть эпизод, посвященный беседе Гао-цзу о причинах его победы. Одной из главных он считал умение привлечь на службу талантливых людей. Чжу Юаньчжан также стремился привлечь талантливых советников, среди которых впоследствии оказались Фэн Гою, Фань Чан, Ли Шаньчжан, Кун Кэжень... Но самым талантливым среди них был Лю Цзи (Лю Бовэнь)⁵.

Переход от онтологической схоластики сунского конфуцианства к практицизму минских философов не мог произойти внезапно, без промежуточных построений. Вполне вероятно, что такие построения носили маргинальный характер с точки зрения

³ «Литературное наследие господина Чэн из Хэнани», свиток 22.

⁴ «Записи бесед Чжу-цзы», свиток 6.

⁵ Годы жизни Лю Цзи (1311–1375) приходятся на конец правления Юань–начало Мин. Происходил из известной семьи. Его дед участвовал в боевых действиях против монголов. В юности изучал не только конфуцианскую классику, но и военные трактаты. В 14 лет он был сюоцаем, в 16 – цзюйжэнем, в 23 года – цзиньши. Два раза с позором отстранился от службы при династии Юань. В 1360 г. присоединился к Чжу Юаньчжану. Отличился тем, что выдвинул эффективный план разгрома главных соперников Чжу Юаньчжана. После установления династии Мин помогал в организации экзаменационной системы, по его совету основными произведениями для комментирования были выбраны «Четыре книги» и «Пять канонов». Участвовал в составлении минского законодательства. Имел при дворе первого минского императора много личных врагов. В 1371 г. оставил службу при минском дворе и вернулся в деревню. Есть предположения, что через четыре года был отправлен.

«высокой» философской теории. Среди произведений Лю Цзи наибольшей популярностью у современников пользовался сборник притч и заметок «Юйли-цзы» (郁離子), написанный после его последней отставки при юаньской династии. В этом произведении наблюдается ярко выраженное стремление адаптировать философскую теорию к потребностям практики путем упрощенного изложения и проведения аналогий между фактами чувственного восприятия и абстрактными понятиями. Вот что писал Лю Цзи в «Рассуждении о принципе»:

Юйли-цзы сказал: «дыхание Неба и Земли я увидел в вечернем приливе озера. Смену счастья и беды я увидел во сне. Гармонию звуков я увидел в струнах циня. Гармонию духа и взаимное стремление я увидел в притяжении железа к магниту. Изменения духов я увидел в громе и молнии. О темном и светлом начале, пяти первостихиях, их связи со счастьем и несчастьем в человеческой жизни я узнал, наблюдая связи луны и сменой чешуи и панцирей [насекомых]. То, что жертвоприношения не бесмысленный обычай, я увидел в повадках шакала и выдры. Расположение звезд я увидел по стрелке компаса... Видеть заметное и узнавать мелкое, наблюдать видимое и видеть скрытое – это главный принцип [перехода] от восприятия вещи к знанию. Не исследуя их состояния, не дознавшись до их причин, невозможно познать связь между Небом и человеком» [27. С. 312].

За 15 лет до появления первых «Книг мудрости» на 27-м году правления под девизом «Ваньли» (1599 г.) появилась «Сбереженная книга» (藏書) Ли Чжи. По своей форме это произведение представляет собой сгруппированные по определенным рубрикам короткие исторические рассказы, один из которых называется «Биографии знаменитых мудрых советников» (智謀名臣傳). В нем собраны биографии известных стратегов. По мнению Ли Чжи, история показывает, что правители больше привлекали на службу людей, отличавшихся «моральной чистотой и чувством долга» и «верностью и почтительностью», нежели тех, кто обладает «мудростью и хитроумием». Ли Чжи считал, что наибольшую ценность для правителя представляют умные и сметливые люди, а верность и почтительность, чувство долга и моральная чистота – качества, дополняющие мудрость и хитроумие. В пояснениях к главе «Знаменитые мудрые советники» Ли Чжи писал: «Ли-шэн говорит: служильые-ши, обладающие мудростью и хитроумием, не обязательно честны и праведны, но и честные не обязательно обладают мудростью и хитроумием. Это естественный закон. В мире издревле почитают честность и праведность, однако, только тогда, когда не используют мудрых и хитроумных чиновников, появляются честные и праведные, только тогда [может] увидеть и услышать о действиях, [осуществленных в соответствии] с моральной чистотой и чувством долга.

Моральная чистота и чувство долга – симптомы поражения и упадка, это можно проследить на примере Восточной Хань. Только во времена упадка и поражения в государстве появляются служильые-ши, которые [соблюдаю] честность и моральную чистоту, [следуя] чувству долга, стремятся заработать славу, заслуживают почитание потомков, да какой в этом толк?

Если посмотреть на историю с древности и до наших дней, когда начал подниматься Ин Чжэн⁶, советники из шести царств поспешили в Сяньян. После этого Цой Пин прославился в Чу; Ли Му прославился в Чжао⁷, погибнув в войне; Цин Цин⁸,

⁶ Цинь Шихуан.

⁷ Ли Му (?–228 до н. э.) – генерал царства Чжао. Охранял северные границы Чжао, разбил племена дунху, линху, сюнну. Выступил с войсками на Цинь, в Фэй разбил циньские войска, за заслуги пожалован званием Уань-цзюнь, после того, как Чжао-ван попался на стратагему «обратный шпион» был убит [40. С. 1262].

⁸ Цин Цин (?–7 до н. э.) – тайный убийца. Был послан яньским тай-цзы Данем в Цинь, чтобы совершить покушение на циньского вана Чжэна (Цинь Шихуан). Взял с собой голову циньского генерала

отправившись в Цинь с кинжалом, прославился в Янь. Хоть имена их и прекрасны, но кто из чжухоу, используя их, получил хоть какую-то пользу?

При подъеме Хань, стратагем, придуманных Чу Пином, было больше всего. Он не только усмирил Поднебесную, но и укрепил династию. Если бы в то время дом Хань не опирался на Чжоу Чана, Ван Линя и сотню им подобных, какие бы потери ему бы это принесло?

...Я считаю, что важнее всего на службе [иметь] обладающих мудростью и хитроумием. Глубокая верность и безупречная почтительность приемлемы только как способ самосохранения для того, кто воплощает эти свойства. С помощью этих качеств управлять страной нельзя. И в малых и в больших нуждах государства эти качества бесполезны, следовательно – неважны. Поэтому чиновники, обладающие преданностью, честностью и моральной чистотой должны цениться меньше» [25. С. 505].

Особенно важными для формирования теории стратагематики в период правления династии Мин послужили два принципа, сформулированные Ли Чжи, – индивидуализма и соотношения канонов и истории. Они находили отражение и в творчестве его предшественников (в том числе и у самого Ван Янмина), однако только у Ли Чжи получили законченное теоретическое оформление.

Относительно индивидуализма Ли Чжи писал: «Уже после того, как Небо создало первого человека, появилось применение одному человеку, оно не ждало появления Конфуция, чтобы сделать [его использование] достаточным. Если эту достаточность можно было бы обрести только после появления Конфуция, то в древности, когда Конфуций не существовало, как же можно было стать человеком?» [35. С. 306]. Ли Чжи также сформулировал важность «простых», «жизненных» интересов в жизни человека: «Носить одежду и есть пищу – порядок людей и закон вещей, кроме этого не существует других принципов. Все, что в мире слышно, касается только еды и одежды. Поэтому все в мире естественным образом стремятся добывать пропитание» [Там же. С. 307]. Согласно его утверждениям, человек руководствуется, в первую очередь, только личным интересом, в послесловии к разделу «Высокоморальные чиновники» «Сбереженной книги» он пишет: «Стремление к личной выгоде – это человеческое сердце. У человека сначала появляется [стремление] к личной выгоде, после чего только проявляется его сердце. Если нет личной выгоды – нет и сердца. Обрабатывающий поле вложит усилия в обработку поля только если получит осенью урожай; имеющий семью вложит усилия в управление домом только если скопит достояние; занимающийся учением только тогда приложит усилия, когда будет иметь достижения... Это закон природы, с которым нужно согласовываться до конца, нельзя безосновательно судить об этом. Те, кто говорит об отсутствии личной выгоды, – подобны рисующим на земле лепешку..» [Там же. С. 307–308]. Ли Чжи считает, что принцип индивидуализма – это единственное лекарство упадочных нравов, тот дух, которого больше всего недостает современной ему эпохи. В его «Продолжении книги для сожжения» говорится: «Современные люди все поголовно ищут покровительства, за исключением тех, кто не знает о его существовании. Живущие семьями имеют покровительство родителей, находящиеся на службе – имеют покровительство начальства, участвующие в совете – просят покровительства у власти предержащих, военные, охраняющие границы, просят покровительства у столичных чиновников, стремящиеся быть совершенномудрыми прибегают к покровительству Конфуция и Мэн-цзы» [Там же. С. 309].

Фэн Юйци и карту, в которой был спрятан кинжал как подарки для циньского вана. Во время преподнесения подарков кинжал был обнаружен, покушение не удалось. Был казнен [40. С. 187].

Принцип индивидуализма Ли Чжи применяет и к оценке исторических личностей, считая, что «нельзя хулу и похвалу раздавать по мерке Конфуция» [35. С. 308]. В отношении истории Ли Чжи сформулировал принципы «Шесть канонов только история» и «Каноны и история взаимно проясняют друг друга» [Там же. С. 310]. В «Чтении историй» он писал: «*Каноны и история – это одно и то же. История, не содержащая канона, – непристойная история, как она может передавать поучение и быть зеркалом? Канон без истории – только пустая болтовня, как они могут служить объяснению реальности?* “Весны и осени”, считающиеся каноном, – это история периода Чуньцю, “Шицзин” и “Шанишу” – истории периода легендарных правителей. “И-цзин” показывает людям, как появились каноны и все, что происходит в истории, многократные изменения в осуществлении истинного пути, перемены и превращения без постоянства, которые не остановить. Поэтому и говорится, что шесть канонов – это только история» [Там же. С. 312].

Создатели «Книг мудрости», жившие в период заката династии, пошли дальше философского этико-гносеологического императива философов-конфуцианцев начала и середины периода правления Мин. Их, в первую очередь, волновали проблемы эффективного практического действия (вероятно, не случайно Фэн Мэнлун своими «Тремя словами» хотел наставить, предостеречь и пробудить этот мир). Соответственно закономерно возникает вопрос **технологии**, имеющей достаточные теоретические основания. Выбор возможных оснований для теории к концу правления династии Мин был достаточно широк. Традиция же предоставляла необходимые образцы поведенческих моделей – к периоду правления династии Мин китайская культура обладала высокоразвитой историографической традицией, обширным репертуаром повествовательной прозы и драмы. Требовались мировоззренческие и методологические основания, позволяющие соединить положения новой теории и фактический материал для построения моделей эффективного поведения. Такой синтез был начат в творчестве Лю Цзи и осуществлен в произведениях Ли Чжи.

«Книги мудрости» (智書) появились в период с 1614 по 1626 г. Основное их содержание составляют короткие рассказы, собранные из различных источников и сгруппированные по определенному тематическому принципу в отдельные разделы. В этом плане структура «Книг мудрости» аналогична «Новому введению» (新序) и «Хранилищу учений» (說苑) Лю Сяна. В некоторых книгах каждому разделу также предшествуют пояснения, в некоторых комментариями сопровождаются отдельные истории. «Общий каталог книг по четырем разделам» относит «Книги мудрости» к авторским произведениям (子部) разделу «Эклектики» (雜家類). К этому виду сочинений относятся «Степени мудрости» (智品) Фэн Юйдао, «Главы переполняющей мудрости» (益智編) Сунь Нэнчуаня, «Необычные стратегемы управления миром» (經世奇謀) Юй Линя и «Собрание мудрости» (智囊全集) Фэн Мэнлуна.

Цель составителей минских «Книг мудрости» наиболее ясно выражена в названии книги Юй Линя – «Необычные стратегемы управления миром»⁹. В минское время авторы, пишущие о стратегемах, отказались от классификации событий по определенным социальным ролям, а начали использовать в качестве названий отдельных разделов слова, обозначающие единицы процесса восприятия и виды деятельности. Цзы Иньбин в предисловии к произведению Юй Линя писал: «В делах есть неизмен-

⁹ Принципиально нового в подобной интенции нет, и раньше создавались произведения, имевшие в своем заголовке бином «цзинь ши» [8]. Как предшественников Юй Линя можно назвать «Основы управления миром» Ван Тинъяня, «Практические главы для управления миром» Фэн Инцзина, «Восемь глав по разделам для управления миром» Чэнь Жэньси, книга «Основное и упорядоченное об управлении миром», которую написал Чжан Суй. Наиболее авторитетным считалось произведение «Сборник материалов об управлении миром Великой минской династии» Чэн Цзылуна.

ное (經) и изменчивое (權), в восприятии дел есть необыкновенное (奇) и образцовое (正). Неизменное приходит в движение с помощью изменчивого, следовательно, неизменное может породить необыкновенное. Необыкновенное может быть взято за образец, следовательно, необыкновенное осуществляет неизменное. Неизменное и изменчивое, необыкновенное и образцовое не являются двумя раздельными вещами. Разве легко [существовать] необыкновенное? Без знаний невозможно изучить необыкновенное, без мудрости невозможно распознать необыкновенное, без храбрости невозможно решиться на необыкновенное, без случая невозможно осуществить необыкновенное. Когда древние осуществляли его, наблюдая начало [события] по мельчайшим его проявлениям, делая расчеты [на основе] беспорядочного или запутанного, искусно извлекая из краткого промежутка, равного вдоху и выдоху, все это называлось искусственные замыслы и хитрые планы. Понять их смысл, овладеть ими – достаточно для управления миром. Есть поговорка: «Тот, кто знает до начала дела – хозяин последующего хода дела». Человек, обладающий отвагой, достаточной для управления миром, обязательно должен знать опыт предшественников для составления своих стратегем» [41. С. 828]. Далее Цзы Иньбин отмечает, что многие исторические precedents разбросаны по разным хроникам, несомненная заслуга автора заключается в их отборе и классификации.

Отличительной чертой минских «Книг мудрости» является повышенное внимание к деятельности Ван Янмина. В «Полном собрании мудрости» Фэн Мэнлуна ему посвящены восемь статей, в «Степенях мудрости» Фэн Юйдао – одиннадцать, в «Главах переполняющей мудрости» Сунь Нэнчуаня – две статьи. Большая часть из них описывает военные компании Ван Янмина по подавлению мятежа Нин-вана и народных восстаний. Этот факт заслуживает внимания, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, по соотношению с общим количеством статей (в разных сборниках их насчитывается от 600 до 1 200) число упоминаний невелико, если не учитывать тот факт, что Конфуцию посвящены три-четыре, Мэн-цзы – ни одной, а основателю династии Чжу Юаньчжану – не больше десяти. Во-вторых, философ собственно военных произведений не писал, на тему хитростей и войны не любил говорить, более того, после успешного подавления мятежа Нин-вана он был оклеветан при дворе. Если учесть желание императора приписать заслуги себе, то нелюбовь философа к военной теме вполне понятна. Тем более факт оценки его военной деятельности современниками представляет интерес для исследования как явления стратегемности, так и биографии Ван Янмина. Некоторые китайские исследователи подчеркивают, что научное сообщество мало проявляет интерес к этой стороне деятельности философа [36].

Время правления династии Мин нельзя назвать спокойным. После войн за объединение страны, которые вел Чжу Юаньчжан, последовал длительный период восстаний мятежников и малых народностей Китая. В «Истории династии Мин» подавлению мятежей посвящены специальные главы¹⁰. Если к этому перечню восстаний добавить пиратские набеги на побережье и крестьянские войны конца правления династии, то можно считать, что все время своего правления династия Мин страдала от бесконечных войн и военных стычек. Вполне естественным представляется тот факт, что любой чиновник, занимающий высокий пост¹¹, особенно в районах проживания малых народностей, не мог избежать участия в военных действиях. Ван Янмин по этому поводу в стихах писал следующее: «Военная стратегия не является моим достоинством».

¹⁰ Свитки № 23, 30, 31, 38, 39, 41, 44, 45, 46, 47, 48, 53, 63, 64, 70, 75.

¹¹ После получения степени Ван Янмин служил по ведомствам общественных работ и юстиции, в дальнейшем занимал пост военного министра в Нанькине, был губернатором пров. Гуандун и Гуанси. «Прославился подавлением мятежей и восстаний за счет и военных, и главным образом, социально-политических мер» [7. С. 47–48].

вом в обычной жизни, хотя и пришлось вести войска в Чандин и Чжанчжоу. Вершины гор сияют в солнечном свете, флаги и штандарты полощутся на ветру, звенят гонги и барабаны. Не стоит опираться на карательные войска в усмирении границ, при благом правлении цяны сами не станут бунтовать»¹² [22. Т. 4. С. 2020]. В личной переписке он также подчеркивал незначительность своих полководческих способностей. Впрочем, как сказано выше, причины лукавить по этому поводу у него были, и немалые.

Тем не менее, современные китайские военные историки относят некоторые произведения Ван Янмина к области военной теории. Из сохранившихся до наших дней изданий времен минской династии можно назвать изданные в 1631 г. «Военные планы Ван Янмина в пяти свитках», изданные Фэн Лянцюем, минскую рукописную книгу «Военное повествование», приписываемую Ван Янмину, издание классического военного «Семиканония» с комментариями философа, вышедшее в 1621 г., «Общинный договор господина Янмина» в редакции Чэнь Лунчжэна и переиздания его «Закона о десятидворках» [31. С. 492–493]. По воспоминаниям современников также можно сделать вывод о том, что вести разговоры на военную тему философу все-таки приходилось. Цянь Дэхун в «Воспоминаниях о [применении] “обратных шпионов” при подавлении мятежа Нин-вана» пишет: «Учитель говорил: “Что такого в военном искусстве? Главное, чтобы в учении была искренность, воспитать в сердце непоколебимость – вот и все искусство. В способности к хитрости люди мало отличаются друг от друга, решающим для победы или поражения не является расчет операции, главное – спокойно сердце или нет. Во время военных действий против Нин-вана, южный ветер усиливался, свирепствуя. В это время я приказал некоему человеку подготовить пушки к битве. В это время здешние войска как раз были близки к поражению, а он даже после трех-четырех приказов уставился вперед, как будто ничего не слышал. В то время он был очень известен, в обычное время его замыслы и хитрости не имели недостатков, когда же дошло до серьезного дела – такое смятение. В чем же воплотилось его искусство хитроумия (智謀)?”» [22. Т. 2. С. 602]. В учении о «доведении благосмыслия до конца» философ никогда не требовал непродуманного следования этическим императивам, в оценках же знаменитых хитрецов древности был достаточно осторожен и рассуждал об их действиях очень мало. В «Записях преподанного и воспринятого» один единственный раз упоминается Су Цина и Чжан И: «Учитель говорил: “Хитроумие Чжан И и Су Цина – тоже дарование совершенномудрых. Многие герои и добившиеся успеха в последующих поколениях научились только методам, применявшимся Чжан И и Су Цином. Конечно, их учение может сильно затронуть человеческие чувства. Все то, что они говорили, не служило нападению на ключевые позиции противников, поэтому мысли об их учении не могут иссякнуть. Они увидели пользу искусственного применения благосмыслия, только лишь не применяли его на истинном пути”» [Там же. С. 959].

Понимание отсутствия прямого соответствия декларируемых принципов реальной практике можно обнаружить и в области преподавания, которому Ван Янмин посвятил значительную часть своей жизни. Вполне вероятно, что педагогическая деятельность ни в одной культуре, ни в один из исторических периодов не была легким занятием. Если внимательно почитать «Лунь юй», то можно обнаружить, что и у Конфуция были проблемы с учениками¹³. В современных китайских сборниках стратегем обязательно присутствует раздел «Педагогические стратегемы».

¹² В оригинале стихотворный текст, здесь приведен подстрочник. Стихотворение написано в год биньзы под девизом правления Чжэндэ (1516 г.).

¹³ Как пример можно привести фрагмент III. 8. «Цзы Ся спросил: «“О, как улыбки твои хороши и тонки, Резко сверкают в глазах твоих нежных зрачки. И узор цветной покрывает твою белизну”. Каков смысл этих стихов?» Учитель ответил: «Прежде наносят белую грунтовку, а потом раскрашивают».

По поводу облика учителя Ван Янмин писал: «С древности для тех, кто занимался обучением, главную сложность составляла строгость. Принцип строгости для учителя – самый важный, только тогда можно учить. В чем состоит строгость? В строгости к себе, как внешней, так и внутренней, а не в грозном виде. Путь обучающего в том, чтобы победить личные [устремления]. В чем долг, в чем выгода? – Различать четко. В грязном не запачкаться, очиститься, но не обманывать, испорченное обратить в чудесное, грязь обратить в чистоту. Строгий учитель не допустит малейшей оплошности, будет скрупулезен и в мелочи. [Все это] должно воплощаться не только в речах, но и в делах. Кто не проявляет терпения – обманывает себя, не соблюдающий должный порядок – разве не глуп? Каждый день учусь новому, беспокоясь о добрых делах. Учившиеся у меня, разве не найдут образец для подражания в этих словах?» [22. Т. 3. С. 1388–1389].

В действительности эти принципы воплощались, например, и таким образом: «Ван Лунси (Ван Цзи¹⁴) в молодости вел беспорядочный и разгульный образ жизни, все свое время проводил в кабаках и игорных домах. Ван Янмин очень хотел встретиться с ним, но никак не мог. Тогда он приказал своим ученикам каждый день устраивать игры в “любо”¹⁵ и “метание стрел”, шуметь, пить вино и веселиться. Через несколько дней Ван Янмин отправил одного из своих учеников узнать, что делает Ван Лунси. Тот нашел его в кабаке и предложил сыграть на деньги. Ван Лунси засмеялся: “Ученый зануда тоже может играть в азартные игры?” На что посланный Ван Янмином ученик ответил: “нашего учителя каждый день так”. Услышав это, Ван Лунси очень удивился и решил встретиться с Ван Янмином. Увидев величественный облик и манеру держаться Ван Янмина, Ван Лунси поклонился ему и назвал учителем, после присоединился к числу его учеников» [33. С. 633]. Комментируя этот пассаж, Фэн Мэнлун говорит: «Такой талант, как Лунси, Янмин конечно же хотел видеть своим учеником. Но кроме Янмина у кого бы это получилось?» [Там же].

Не только военные операции требуют применения хитрости. Вполне вероятно, что для выполнения своих обязанностей чиновниками как в контактах со своими коллегами, так и с простым народом, одного статуса, даже подкрепленного наличием средств принуждения государственного аппарата, было недостаточно. У Фэн Мэнлуна есть описание эпизода, когда Ван Янмин отдает дворцовым евнухам их переписку с Нин-ваном, таким образом превращая недоброжелателей при дворе в своих должников [Там же. С. 167]. У Фэн Юйдао есть рассказ «Ван Янмин проезжает через Ваньань»: «Когда Ван Янмин проезжал через Ваньань, он обнаружил, что там собралось несколько сот восставших, перекрывших реку и дороги, так, что торговые суда и караваны не смели продолжать путь. Ван Янмин объединил несколько торговых судов, изображая военную флотилию, заставил поднять флаги и бить в барабаны, как если бы выступал на войну. Восставшие, увидев это, упали на колени и стали кричать, что они – крестьяне, страдающие от голода и неурожаев, и просят помочь. Ван Янмин велел пристать к берегу и послал служащих передать восставшим: “Как только я прибуду в Ганьчжоу”¹⁶, сразу же пошли люди оказать вам помощь, а сейчас

Цзы Ся вновь спросил: «В таком случае правила основаны на человеколюбии?» Учитель ответил: «Только ты, Шан, понимаешь меня! Теперь с тобой можно говорить о стихах!» [13. С. 319]. Тема, заданная Цзы Ся, выбивается из общего контекста главы, посвященной ритуалу. Основная каверза, заключенная в его вопросе, состоит в том, что выбрана цитата из канона («Ши цзин»), по смысловому содержанию не имеющая отношения к ритуалу и допускающая множество толкований (в том числе и о женской красоте, что не является предметом обсуждения во фрагментах данной главы). Педагогическое мастерство Конфуция в данном случае проявляется в способности с помощью иронии повернуть разговор от невыгодной для него посылки к заданной теме рассуждения, вынудить ученика заниматься заданным предметом.

¹⁴ Ближайший ученик и сородич Ван Янмина.

¹⁵ Древняя игра «шесть шашек».

¹⁶ Старое название пров. Цзянси.

расходитесь по своим домам, не нарушайте закон, ища себе погибель". Восставшие, уышав это, испугались и разбежались по домам» [34. С. 887].

Минские «Книги мудрости» не являются документальной литературой, тем не менее и авторы самих произведений и авторы предисловий подчеркивали стремление к следованию исторической правде. Сюжеты некоторых рассказов, посвященных Ван Янмину, не отражены в его официальной биографии, вряд ли они противоречат представлению о личности философа, сложившемуся у его современников. В этом смысле «Книги мудрости» – вполне заслуживающий внимания источник.

Для китайской культуры умение использовать различные уловки и хитрости (стратагемность) является одной из значимых характеристик мышления и поведения [14. С. 6]. Свойства стратагем определяют дополнительные исследовательские сложности¹⁷, формирующиеся не только в зависимости от степени изученности объекта или древности языка. Факты дипломатической практики, применения социоинженерных технологий или проведения военных операций изначально не предназначены для широкой публикации. Выявление скрытого или скрываемого объекта исследования требует специальных исследовательских процедур, среди которых определяющей является формирование источниковедческой базы. Сравнительный анализ текстов философских произведений Ван Янмина, его официальных биографий и сведений, нашедших отражение в сборниках стратагем, позволит также в дальнейшем выявить некоторые черты механизма воплощения мировоззренческих установок в конкретные поведенческие модели, эскиз которого был предложен в этой статье.

Библиографический список

1. Го юй [Речи царств] / Пер. с кит. В. С. Таскина. М., 1987.
2. Гуйгу-цзы // Искусство управления / Сост., пер., вступ. ст. и comment. В. В. Малявина. М., 2003.
3. ЗАВЬЯЛОВА Т. Г. Идеи Ван Янмина как философские основания учения о стратагемах // Философия: история и современность. 2001–2002. Новосибирск, 2002.
4. ЗЕНГЕР Х. ФОН. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать / Отв. ред., автор предисл. и comment. В. С. Мясникова; Пер с нем. А. В. Дыбо. М., 2004. Т. 1.; ЗЕНГЕР Х. ФОН. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать / Преписл. В. С. Мясникова; Пер с нем. А. Д. Гарькавого М., 2004. Т. 2.
5. Путь полководца. Высказывания Чжугэ Ляна о командовании армией и ведении войны // Китайская военная стратегия / Сост., пер., вступ. ст. и comment. В. В. Малявина. М., 2002.
6. Китайское искусство войны. Постижение стратегии / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб., 2000.
7. Китайская философия. Энциклопедический словарь / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М., 1994.
8. ЛАПИНА З. Г. Учение об управлении государством в средневековом Китае. М., 1985.
9. Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / Пер. с кит. В. В. Малявина. М., 1997.
10. КОБЗЕВ А. И. Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002.
11. КОНРАД Н. И. Синология. М., 1995.
12. КРИППЕНДОРФ К. 36 стратегий для победы в эпоху конкуренции / Пер. с англ. С. Жильцова. СПб., 2005.
13. Лунь юй / Пер. с кит. Л. С. Переломова. М., 1998.

¹⁷ Стратагемы в китайском языке называются «инь moy» – тайные планы.

14. МЯСНИКОВ В. С. Антология хитроумных планов // ЗЕНГЕР Х. ФОН. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / Отв. ред., автор предисл. и comment. В. С. Мясников; Пер с нем. А. В. Дыбо М., 1995.
15. Тридцать шесть стратагем // Китайская наука стратегии / Сост. В. В. Малявин. М., 1999. Серия «Каноны».
16. Тридцать шесть стратагем // Искусство управления / Сост., пер., вступ. ст. и comment. В. В. Малявина М., 2003.
17. Тридцать шесть стратагем // КЛИРИ Томас. Японское искусство войны. Постижение стратегии / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб., 2001.
18. У-цзин. Семь военных канонов Древнего Китая / Пер. с англ. Р. В. Котенко; науч. ред. Е. А. Торчинов; предисл. и comment. Ralf D. Sayer. СПб., 1998.
19. ЧЖУГЭ Лян. Книга сердца или Искусство полководца // Китайская наука стратегии / Сост., пер. с кит. В. В. Малявина. М., 1999.
20. Байхуа цзо чжуань: [Цзочжуань на современном языке] / Пер. с древнекит. Ян Боцзюнь, Сюй Ти. Чанша: Юэлу шупэ, 1996.
21. БАНЬ Гу. Хань шу: [История династии Хань]: В 2 т. Хэнань: Юэлу чубаньшэ, 1995.
22. ВАН Янмин. Ван Янмин цюаньцзи: [Полное собрание сочинений Ван Янмина]: В 6 т. Пекин: Бэйцзин яншань чубаньшэ, 1997.
23. ВАН Янмин. Чуань си лу: [Записи преподанного и воспринятого] // ВАН ЯНМИН. Ван Янмин цюаньцзи: [Полное собрание сочинений Ван Янмина]: В 6 т. Пекин: Бэйцзин яншань чубаньшэ, 1997. Т. 2.
24. Луньюй шичжу: [Речи и беседы с комментариями и пояснениями] / Коммент. Ян Боцзюня. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1980.
25. ЛИ Чжи. Цаншу. Чжимоу минчэнь чжуань: [Потаенная книга. Биографии известных сановников-стратагемщиков] // ЮЙ Линь. Цюаньсы дачжишу: Цзиньши цимоу: [Необычные стратагемы управления миром]. Чжэнъчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1999.
26. ЛИНЬ Луцзюань. Усинь цзыю гуанмин юэ – Ван Янмин ши танцю: [Светлая луна в моем сердце – исследование стихов Ван Янмина]. Гаосюн, 1998.
27. ЛЮ Бовэнь. Юли-цы: [Философ, разделяющий многообразное] // ЛЮ Бовэнь. Чжимоу цюаньшу: [Полное собрание мудрости]. Б. м.: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, б. г.
28. ЛЮ Сян. Шо юань: [Храмилище учений] // Чжучо молюэ дадянь: [Большой словарь китайских стратагем] / Отв. ред. У Цзинтянь. Пекин: Гоцзи вэньхуа чубаньшэ, 1995.
29. Сун-Мин лисюэ ши: [История сунского и минского лисюэ] / Гл. ред. Хоу Вайлу. Пекин: Жэнъминь чубаньшэ, 1987.
30. СУНЬ Нэнчуань. Цюаньсы дачжишу: И чжи пянь: [Полный перевод четырех великих «Книг мудрости»: Главы переполняющей мудрости]. Чжэнъчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1999.
31. СЮЙ Баолинь. Чжунго биншу тунлань: [Общий обзор китайских военных сочинений]. Пекин: Цзэфандзюнь чубаньшэ, 2002.
32. СЯ Сяньчунь. Фуцю лишидэ чэнфэн: [Сметая пыль истории] // СУНЬ Нэнчуань. Цюаньсы дачжишу: И чжи пянь: [Полный перевод четырех великих «Книг мудрости»: Главы переполняющей мудрости]. Чжэнъчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1999.
33. ФЭН Мэнлун. Цюаньсы дачжишу: Чжи нан цюань цзи: [Полное собрание мудрости]. Чжэнъчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1999.

34. ФЭН Юйдао. Цюаньсы дачжишу: Чжи пинь: [Полный перевод четырех великих «Книг мудрости»: Степени мудрости]. Чжэньчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1999.
35. ЧЖАН Сюэчжи. Миндай чжэсюэ ши: [История философии династии Мин]. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2000.
36. ЧЖОУ Юэлян. Ван Янмин дачжуань: [Жизнеописание Ван Янмина]. Пекин, 1999.
37. Чжуго молюэ дадянь: [Большой словарь китайских стратагем] / Отв. ред. У Цзинтянь. Пекин: Гоцзи вэнъхуа чубаньшэ, 1995.
38. Чжунго лидай биншу: [Военные сочинения Китая разных эпох] / Общ. ред. Чжу Дуаньюй. Пекин: Шаньу иньшутуань, 1996.
39. Цзо чжуань // Сыку цзинъхуа. Цзинбу. Вэньбай дуйчжао: [Основное из собрания библиотеки по четырем разделам. Раздел «Каноны». Тексты на древнем и современном языке] / Под ред. Хуан Шипин. Чанша: Гуанси жэньминь чубаньшэ, 1996.
40. Цы хай: [Море слов]. Шанхай, 1989.
41. ЮЙ Линь. Цюаньсы дачжишу: Цзиньши цимоу: [Необычные стратегемы управления миром]. Чжэньчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1999.